

© 2017 г. Я.В. ВИШНЯКОВ

СЕРБЫ В РУССКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Автор на основе малоизвестных документов фондов Российского государственного военно-исторического архива, раскрывает нюансы формирования, а также обстоятельства межнационального конфликта в сербском добровольческом корпусе, сформированном в 1916 г. В статье подчеркивается, что взаимоотношения сербов, хорватов и словенцев внутри добровольческого корпуса, являя собой пример микромира, прекрасно иллюстрируют предопределение будущей печальной судьбы югославского государства и его армии, изначально, еще до своего официального оформления, обреченных на развал.

The author, using less known units of the Russian State Military-Historical Archive, demonstrates the nuances of how an inter-ethnic conflict in the Serbian Volunteer Corp, formed in 1916, did emerge. It is underlined, that relations between the Serbs, Croats and Slovenians within the Volunteer Corp were like a microcosm, and could serve as an illustration of the future sad destiny of the Yugoslav state and its army, doomed to fall apart long before their official creation.

Ключевые слова: Первая мировая война, Добруджа, Сербия, Сербский добровольческий корпус, М. Живкович, А. М. Зайончковский

Keywords: World War One, Dobruja, Serbia, Serbian Volunteer Corp, M. Živković, Andrei Zayonchkovski.

Исследование вопроса об участии сербских и югославянских добровольцев в боях стран Антанты и их союзников против Австро-Венгрии и Германии получило широкое освещение в трудах отечественных и зарубежных, прежде всего сербских, историков. Кроме того, в научный оборот вовлечен значительный корпус документов, освещающих их роль в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны (см. [1–7]). В России добровольческие формирования югославян, прежде всего сербов, куда вступали, как находившиеся здесь сербы, но главным образом пленные и дезертиры из австро-венгерской армии, стали формироваться с конца 1914 – начала 1915 г.¹ Изначально эти отряды предполагалось перебросить по Дунаю в Сербию для пополнения рядов ее армии, но после поражения последней осенью 1915 г. работу по формированию сербских добровольческих частей решено было продолжить для их использования на Юго-Западном фронте. В этой связи интерес исследователей

Вишняков Ярослав Валерианович – д-р ист. наук, профессор МГИМО (У) МИД России

¹ Российский историк В. В. Зеленин отмечал, что «к сентябрю 1917 г. в России было около 2 миллионов военнопленных, из которых почти 80% – солдаты и офицеры австро-венгерской армии, в том числе более 300 тысяч югославян». [5. С. 8–9].

к деятельности «интернациональных» воинских формирований, составленных из солдат и офицеров, еще недавно воевавших на стороне противника, вполне закономерен, поскольку позволяет поставить общий вопрос о целесообразности, а главное эффективности, их использования против стороны, за которую они еще не так давно проливали кровь.

Всего в течение 1916–1917 гг., по данным сербских историков, через этот корпус прошли около 70 тыс. движимых, как они замечают, стремлением к национальному освобождению добровольцев, хотя из-за плохой организации и различных проволочек при его создании, изначально он принял меньше людей, чем изъявивших желание вступить в его ряды [3. С. 293; 8. С. 128]. Тем не менее, на мой взгляд, эти данные выглядят существенно завышенными. При формировании Первой сербской дивизии призыв вступать в ее ряды, как показывают документы Российского военно-исторического архива (РГВИА), не вызывал массового энтузиазма у военнопленных. Так, например, Смоленский предводитель дворянства князь Урусов 10 октября 1916 г. писал М. В. Алексею: «При обмене мнений на заседании Собрания г.г. предводителей и депутатов дворянства, имевшем место быть 8 октября 1916 г., выяснились некоторые обстоятельства, свидетельствующие о ненадежности громадного большинства пленнх, вызванных для формирования сербских контингентов, так, например, при опросе, произведенном в одном из уездов при посредстве лица, владеющего сербским языком, из 118 пленнх югославян только 4 высказали свое желание сражаться за Сербию (2 учителя и 2 студента), остальные, даже после горячей речи, обращенной к ним названными лицами, категорически отказались, и, возражая убеждавшим их товарищам, говорили: “Нас уже опрашивал сербский офицер в Дарницком лагере, и мы тогда уже отказались, так как мы не можем сражаться против войск, в рядах которых находятся наши близкие, помимо сего, если будет обнаружено наше пребывание в рядах русских войск, нашим семьям на Родине не жить”. Подобное же настроение наблюдалось и в других уездах, где поголовного опроса не производилось. Признавая всю важность этих обстоятельств, г.г. предводители и депутаты дворянства сочли своим патриотическим долгом просить меня довести о сем до сведения Вашего Высокопревосходительства» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 483].

Действительно, многие из пленнх высказывали нежелание поступать в сербские полки из-за вполне понятного опасения за судьбу своих семей, проживавших на территории двуединой монархии. Служба в корпусе автоматически делала их предателями и дезертирами со всеми вытекающими последствиями, как для них самих, так и для их ближайших родственников. Однако отказ поступать в формируемое подразделение имел под собой и вполне прагматические основания. Многие пленные югославыне — хорваты и словенцы по отношению к другим военнопленным — австрийцам и немцам находились в более привилегированном положении, выполняя в глубоком тылу несложные сельскохозяйственные работы и имея весьма сносные условия существования. По словам генерала Эбелова², «будучи хорошо обставлены на полевых работах у сельских хозяев, которые, дорожа рабочей силой не могли охотно пойти на лишение рабочих рук в страдную для хозяйства пору ликвидации урожая, военнопленные из югославян

² Эбелов Михаил Исаевич (1855–1919) — генерал от инфантерии. В годы Первой мировой войны занимал должность Главного начальника Одесского военного округа. В 1919 г. был расстрелян большевиками.

отказывались, за редким исключением, менять свое обеспеченное положение на тяготы военного похода». Имея в виду это обстоятельство, генерал Эбелов отдал ошибочное, как оказалось впоследствии, распоряжение собрать всех, без различия национальностей, пленных югославян в Одессе, поскольку, как ему казалось, «здесь, среди добровольцев, уже согласившихся стать под сербское знамя, под влиянием патриотически настроенных коренных сербских офицеров, нужно было ожидать лучшего результата вербовки» [7. С. 116]. Все эти обстоятельства, как мы увидим далее, наложившись на революционные события 1917 г., стали роковыми для дальнейшей судьбы этого формирования.

Первую сербскую дивизию было намечено сформировать в феврале 1916 г., специально прислав для ее управления офицеров с острова Корфу. Как доносил представитель сербской армии при штабе верховного главнокомандующего полковник Б. Лонткевич, «зачислено на формирование сербских полков около 17 000 нижних чинов и до 70 офицеров. Для замещения командных должностей выписаны офицеры из Сербии». [9. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 20–20об.]. Во главе ее был поставлен полковник Стеван Хаджич, а начальником штаба стал подполковник Воин Максимович³. Русское командование при этом рассматривало формируемую Первую дивизию, как самостоятельное воинское подразделение, признавая «необходимым придержаться сербской организации, несмотря на значительную особенность последней по сравнению с нашей» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 18–20]. Таким образом, в основу ее комплектации были положены принципы, принятые в сербских вооруженных силах, при том что сама она, для удобства управления, была скомплектована по штатам дивизии, принятым в русской армии, а именно — в составе четырех полков, состоящих в свою очередь из трех батальонов. Помимо этого стал формироваться и сербский запасной батальон. Снабдить Первую сербскую дивизию предполагалось австрийскими винтовками и пулеметами, также принятыми на вооружение в сербской армии, с чем, однако, возникли определенные сложности. На начало января 1916 г. согласно рапорта начальника артиллерийского снабжения Юго-Западного фронта, «в запасах фронта» имелось всего лишь три исправных австрийских пулемета и 9 000 000 австрийских патронов». «Последние, — отмечалось в рапорте, — могут расходоваться лишь по указанию Главнокомандующего» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 166. Л. 5]. Сложности возникли и при обеспечении Первой дивизии лошадьми и артиллерией. При этом российское правительство выделило на обустройство штаба Первой сербской дивизии весьма значительную сумму: «На заведение необходимого, но не предусмотренного табелями имущества полагать бы отпустить из военного фонда управлению сербской пехотной дивизии 2000 руб. и сербскому запасному батальону 1200 руб., а всего 3 200 руб.» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 18–20]. Кроме того, в состав формируемой дивизии были включены и русские военные чины, прежде всего технический, медицинский и ветеринарный персонал, и придана пулеметная команда. В середине мая 1916 г. свежесформированное подразделение осмотрел, во время визита в Россию, сербский премьер-министр Никола Пашич, а вскоре и сам русский император Николай II, что говорит не только о военном, но в большей степени политическом значении, которое придавалось этим новым сербским полкам, особенно после героического перехода сербской армии через горы Албании

³ См. [6. С. 27]. Максимович Воин (1876–1942) впоследствии стал известным сербским генералом, профессором военной академии, редактором газеты «Воин».

и Черногории с последовавшей затем ее эвакуацией на о. Корфу и переброской ее сильно поредевших частей на Салоникский фронт.

В этом аспекте формируемый Сербский корпус рассматривался как единственный ресурс «в руках сербского правительства при возвращении его на родину, где все мужское население в возрасте военнообязанных истреблено швабо-болгарами» [9. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1167. Л. 82]. В декабре 1916 г. Сербская королевская миссия в секретной записке о Сербии отмечала: «Сербская армия на Солунском фронте представляет незначительную силу, приблизительно 60 000 штыков. Своим участием в военных действиях она ежедневно тает» [7. С. 117, 122]⁴. Значительные потери сербская армия понесла осенью 1916 г. в ходе Битольской операции. По сведениям сербского военного историка Д. Денды за 1916 г., в ходе боев на Салоникском фронте из строя выбыли 27 965 сербских солдат, из которых 7208 умерли от болезней [10. С. 69]. Еще в начале января 1917 г. через северный русский порт Романов (Архангельск) в Салоники были отправлены 28 офицеров и 1157 нижних чинов. В конце августа 1917 г. из того же Архангельска предполагалось отправить еще 266 офицеров и чиновников и 2880 нижних чинов — добровольцев второй дивизии. При этом отправке в Салоники подлежал исключительно личный состав корпуса, без обоза, лошадей и оружия, которые надлежало сдать в Архангельске [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 451. Л. 4–11].

К середине лета 1916 г. комплектование Первой сербской дивизии было в основном завершено, а саму ее расквартировали в районе Одессы и Александровска (ныне Запорожье). Однако, несмотря на проведенные торжественные смотры, боеспособность сербов русским командованием ставилась под сомнение, причем не только по чисто военным характеристикам. В апреле 1916 г. штаб Юго-Западного фронта показательно подчеркивал, что «сербскую же дивизию, формируемую из военнопленных, принимать в расчет пока нельзя, так как она может быть вполне пригодной к бою не по окончании ее формирования и обучения, а по выяснении надежности личного состава, как офицерского, так и нижних чинов, на что потребуется известное время» [9. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3059. Л. 342]. Но в условиях войны времени на выяснение «надежности личного состава» не оказалось, а в первоначальные планы будущего использования частей корпуса пришлось внести существенные коррективы. Формируемым сербским частям уже скоро суждено было принять первое боевое крещение в боях за Добруджу, причем в составе отдельного 47-го корпуса русской армии под командованием генерала А. М. Зайончковского. На решение Ставки о посылке Первой сербской дивизии на фронт в Добруджу, видимо, повлияла успокоительная телеграмма генерала Н. А. Маркса⁵ — горячего сторонника формирования сербской добровольческой дивизии: «Я близко интересовался составом сербской дивизии, бывал в лагере, собрании на учениях, приглашал к себе. Все полковые, батальонные и половина ротных — сербы с Корфу, остальные офицеры из военнопленных, большинство пошло, по-видимому, чтобы улучшить свое положение, и весть о походе не была принята с тем восторгом, с каким откликнулись коренные офицеры, однако

⁴ Эти данные разнятся с цифрами, принятыми в сербской историографии. Видные сербские историки, такие, как В. Дедиер, М. Экмечич, А. Митрович, указывали, не сильно расходясь в цифрах, что на Салоникском фронте к концу 1916 г. находилась около 130–150 тысяч солдат и офицеров.

⁵ Маркс Никандр Александрович (1861–1921) — генерал-лейтенант, начальник штаба одесского военного округа.

вполне можно рассчитывать, что против болгар, за возможным случайным исключением, весь офицерский корпус пойдет охотно. Я говорил перед уходом штаба дивизии с Хаджичем, он спокоен за состав вполне, но добавил, что в случае чего по первому же колеблющемуся пошлет пулю в лоб. Из дивизии Хаджичем было удалено три офицера, не подходивших по своим общеславянским идеям к роли сербского офицера. Эти лица, вследствие ходатайства сербского посланника, не возвращены в лагерь военнопленных, а переданы в распоряжение сербской миссии. Затем, перед самым отъездом, было отчислено 6 офицеров, которые по обследованию оказались подозрительными, наконец, была обнаружена цензурой ненадежность одного офицера, высказавшегося иронически о присяге в письме; он лишен звания и выслан в Пермь. Что касается нижних чинов, то сложившееся в обществе недоверие едва ли имеет основание. Солдаты оживленно приветствовали поход и командиры частей убеждены в их добросовестности. В дивизию шли лишь те, кто не боялся за семью и имущество, то же убеждение вынес и наш артиллерийский полковник, формирующий пулеметные команды, где все офицеры коренные сербы, а нижние чины из бывших военнопленных. Случаи дезертирства были – за три месяца 83 человека; некоторые вернулись, объяснив, что ходили подработать. Единственное серьезное нарушение дисциплины имело место в третьем полку. Солдаты заявили офицеру, что они не будут исполнять его требований, как незаконных. Офицер этот из военнопленных был слишком строг и пересаливал на учениях, задерживая дольше других. Солдаты преданы полковому. Дело ныне перешло, согласно утвержденного ставкой порядка, в Военно-Окружной суд. Виновные в тюрьме. Мое личное мнение, что при успешном движении вперед русских сил дивизия при отличном кадровом составе коренных офицеров втянется в боевую работу» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 166. Л. 127–128].

Тогда же, летом 1916 г., вследствие ходатайства полковника С. Хаджича, было принято решение о формировании Второй сербской добровольческой дивизии, которую, в свою очередь, было решено свести с Первой в единый сербский корпус под командованием генерала М. Живковича, поставленного на эту должность 29 июля 1916 г. Работа по формированию корпуса шла довольно активно, причем подготовительные мероприятия по формированию Второй дивизии стали проводиться еще до прибытия в Россию Живковича и офицеров сербской армии. «Помощник начальника первой сербской дивизии генерального штаба полковник Кушакович, оставленный Начальником названной дивизии в Одессе для формирования запасного Сербского батальона, сообщил, что с острова Корфу 31 июля и 2 августа выехали в Одессу, согласно указанию королевского сербского военного министра, для формирования корпусного штаба и второй сербской дивизии генерал Живкович и офицеры. Одновременно сербский военный министр приказал полковнику Кушаковичу, не выжидая прибытия офицеров теперь же начать формирование временного штаба второй сербской дивизии», – говорилось в донесении штаба Юго-Западного фронта в августе 1916 г. [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 166. Л. 175].

Я, в рамках данной небольшой статьи, не буду останавливаться на подробном разборе добруджанских боев. Отмечу лишь, что общим обстоятельствам подготовки и хода этой операции посвящена обширная и весьма информативная статья российского историка В. Б. Каширина «Поход в Добруджанскую степь: эволюция замысла, планирование и подготовка экспедиции русских войск за Дунай в 1916 году». В современной отечественной историографии эта работа стала фактически первой, раскрывающей как нюансы

проведения данной операции, так и причины неудачи, постигшей российские войска. Автор при этом справедливо отмечает, что история участия России в боях в Добрудже заслуживает написания отдельного монографического исследования [11]. Вместе с тем сербская дивизия в этих боях показала, в отличие от румын, пример мужества и героизма, а ее потери составили около 80% личного состава. Так, в период с 25 августа по 16 октября 1916 г., из 19 000 человек Первой дивизии сербы потеряли убитыми и ранеными 231 офицера и 8996 нижних чинов⁶. Мужество сербских солдат не осталось незамеченным. Николай II и сербский монарх Петр Карагеоргиевич передали через генерала Зайончковского особую благодарность и восхищение подвигом сербской дивизии [2. С. 72–73]. Сам же командующий 47-м корпусом ходатайствовал перед Ставкой о производстве ее командира полковника С. Хаджича в генералы [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 166. Л. 228].

Такие большие потери среди сербов объясняются в том числе и тем, что они не получили своевременного пополнения. К началу сентября в Добруджу на пополнение рядов первой сербской дивизии было послано всего 2000 человек и 16 офицеров. А. М. Зайончковский же, подчеркивая в телеграммах, что «одними высокими качествами русско-сербских войск, без большого количества штыков, здесь ничего не поделаешь» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 218], требовал новых подкреплений, причем не только рядового, а главным образом офицерского состава высшего и среднего звена. В телеграмме от 6 сентября 1916 г. он писал: «Доблестная сербская дивизия, ведя непрерывные упорные бои, понесла огромные потери, особенно в кадровых офицерах. Дабы сохранить ту же силу и тот же доблестный дух дивизии, очень прошу экстренно прислать из кадровых сербских офицеров, прибывших с Корфу, одного командира бригады, одного командира полка, четырех командиров батальонов, и двенадцать ротных командиров» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 226]. Кроме этого, не имея возможности вывести сербскую дивизию в тыл, командир 47-го корпуса требовал немедленно прислать в сербскую дивизию еще 4000 солдат, причем за счет добровольцев формируемой Второй дивизии. Не случайно 17 сентября 1916 г. Зайончковский послал в штаб Юго-Западного фронта следующую короткую телеграмму: «Пока вторая дивизия будет сформирована, первая будет уже уничтожена» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 199]. В других телеграммах он резюмировал: «Полагаю, что лучше иметь одну цельную дивизию, чем две, неспособных к бою, тем более, что Первая сербская дивизия уже имеет свою отличную боевую спайку» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 233]. Штаб Юго-Западного фронта, тем не менее, воздержался от этого шага, и намеченных подкреплений, в том числе и необходимого числа офицеров высшего и среднего звена Первая сербская дивизия не получила. Русское командование приняло решение о продолжении скорейшего формирования Второй сербской дивизии, тем более, что к 31 августа 1916 г., когда Первая сербская дивизия уже вела активные боевые действия под Добруджей, «в запасном батальоне, и для пополнения возможных потерь 1-й дивизии, и для формирования V-го и VI-го полков имелось всего 2706 человек, еще не вполне испытанных, хотя и приведенных наспех к присяге сербскому королю» [9. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 14]. Именно эти две тысячи человек, как мы упоминали выше,

⁶ В ходе боев в Добрудже Первая сербская дивизия потеряла убитыми 35 офицеров, ранеными 195 и одного без вести пропавшего. Нижних чинов было убито 684, ранено 6048, пропавших без вести 2264 (см. [9. Ф.1837. Оп.1. Д. 425. Л. 299; 12].

в начале сентября были отправлены на фронт для пополнения рядов Первой сербской дивизии.

При этом Ставка и лично Николай II в начале сентября 1916 г. отдали особое распоряжение — «принять энергичные и быстрые меры по формированию Второй сербской дивизии. Дивизия эта формируется в Одессе из югославян, именно: сербов всех местностей и вероисповедований, хорватов и словенцев, показавших уже себя с самой лучшей стороны на Добруджанском фронте. Судя по поступившим уже в штаб дивизии письменным заявлениям, имеется весьма значительное количество пленных югославян, желающих вступить в ряды сербской добровольческой дивизии, и наиболее верным способом осуществления Августейшей воли был бы, по-видимому, безотлагательный вызов всех военнопленных югославян указанных выше народностей, находящихся в различных предприятиях в распоряжении земских управ и частновладельческих экономиях, к местным уездным воинским начальникам и командирование в управление каждого из них офицера сербской дивизии для опроса желающих вступить в ряды дивизии и немедленного доставления их в Одессу, направляя офицеров-приемщиков из Одессы в соответствующие окружные штабы для дальнейшего отправления по назначению распоряжением этих последних» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 177]. Именно поэтому Д. Кушакович, по поводу просьбы Зайончковского, в телеграмме, направленной 9 сентября 1916 г. на имя помощника начальника штаба Одесского округа, отмечал: «Действительные сербские офицеры, прибывающие с Корфу, назначены в состав II Сербской добровольческой дивизии и таковых будет гораздо меньше, чем было в I-й Сербской добровольческой дивизии при ее формировании, но все-таки можно ставить в распоряжение начальника I-й добровольческой дивизии из действительных офицеров: одного полковника (командовавший пехотной бригады), одного полковника (кавалерии, командовавший кавалерийским полком и пехотным отрядом), одного пехотного подполковника и одного майора, которые придут на днях. На пополнение I-й Сербской добровольческой дивизии отправлено из запасного батальона 1 сентября 16 запасных офицеров и 2000 нижних чинов. Прошу предписать начальнику I-й Сербской добровольческой дивизии рассчитывать только на это число нижних чинов и офицеров, которые теперь имеются в его распоряжении и вышепоименованных действительной службы, четырех штаб-офицеров, которые будут посланы начальнику I-й Сербской добровольческой дивизии, тот час по прибытии» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 221–221об.].

Замечу, что тогда же, в августе 1916 г., стали ощущаться первые трудности с вербовкой новых добровольцев во Вторую дивизию, в начале осени 1916 г. во Второй сербской дивизии стали наблюдаться частые случаи нарушения воинской дисциплины. Как следует из рапорта ее командира, полковника Дмитриевича Главному начальнику Одесского военного округа от 31 октября 1916 г., «некоторые скверные солдаты продают некоторые вещи своего солдатского снаряжения». И хотя, по его словам, «предпринято все, чтобы это больше не повторялось», тем не менее, он настоятельно просил русские военные власти выдать специальное распоряжение, «чтобы не смело ни одно гражданское лицо покупать от солдат их солдатские вещи, их солдатское снаряжение ни под каким видом, и что всякое пойманное лицо со стороны властей будет самым строгим образом наказываться» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 286]. Кроме того, согласно справке по судному отделению Штаба Одесского военного округа, с 17 августа по 27 ноября 1916 г. из Второй сербской дивизии

самовольно отлучились 250 человек, причем характерно, что 165 случаев из этого числа произошло именно в ноябре, что, как мы увидим далее, было далеко не случайно [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 317].

Первоначально Первая дивизия была отведена в Измаил на перекомплектование. 20 ноября 1916 г. в телеграмме на имя начальника штаба Одесского военного округа полковник Хаджич сообщал: «Некомплект оружия в сей дивизии следующий: винтовок 6969, карабинов 298, сабель 294, револьверов 494, пулеметов 29, седел 79, лошадей верховых 115 и обозных 126, повозок 5, патронных двуколок 6, кинжалов 276 и 2 кухни. В I сербском артиллерийском дивизионе некомплект 390 лошадей, вьючных артиллерийских — 25, двуколок с упряжью — 5» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 458. Л. 4]. Всего к середине ноября 1916 г. в Измаиле в составе Первой сербской дивизии находились 418 офицеров и 10 735 нижних чинов. За ней числилось 3680 лошадей, 718 парных повозок, 628 двуколок, 13 орудий, 48 зарядных ящиков, один автомобиль, две мотоциклетки и 93 вола [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 458. Л. 7]. К началу декабря 1916 г. Первая сербская дивизия была окончательно отведена в тыл и расквартирована в районе Одесса—Вознесенск—Березовка. Всего, по данным на февраль 1917 г., в двух дивизиях находилось: из сербской армии прибыли — 72 штаб- и 104 обер-офицеров, 1 генерал (это сам М. Живкович) и 176 офицеров, добровольцев-офицеров из военнопленных в корпусе служили 661 человек. Всего же в 1-й дивизии было 470 офицеров, во 2-й дивизии — 256, еще 82 офицера служили в запасном и 30 — в корпусном управлении [7. С. 223].

Вместе с тем поражение под Добруджей отрицательно сказалось на моральном состоянии рядовых солдат — участников боев, что явилось одной из существенных причин падения боеспособности этого соединения и начавшихся вскоре там беспорядков. «После разгрома 1-й дивизии все те раненые добровольцы, у которых был такой прелестный дух, не только не выражали желания идти на фронт, но открыто говорили, что они поступили добровольцами, желая бороться на границах своего отечества, а не усеивать своими костями Добруджу», — говорилось в рапорте генерала Чистякова, направленного в конце 1916 г. штабом Юго-Западного фронта проверить сербские полки [7. С. 173]. Кроме того, их рассказы об ужасах добруджанских боев вызвали брожения среди вновь поступивших добровольцев второй дивизии — прежде всего хорватов и словенцев, не желавших идти на фронт. Так, например, 22 октября 1916 г. в 4-ю роту V полка явились три беглых нижних чина 1-й дивизии и стали рассказывать «об ужасах боев и колоссальнейших потерях дивизии в Добрудже. Среди большинства людей 4-й роты (главн. образом хорватов и словенцев) начались разговоры о том, что если должны погибнуть во что бы то ни стало, то лучше погибнуть здесь, в Одессе» [7. С. 173]. В конце ноября 1916 г. командир Второй дивизии полковник Димитриевич направил генералу Живковичу рапорт о попытке дезертирства солдат, в котором четко прослеживается паническое настроение, царившее в казармах сербских дивизий после добруджанских боев, усугубляемое к тому же самыми невероятными слухами. «В третьем батальоне 7-го пех. полка между 8 и 9 ноября с.г. случилось совместное удаление из команды, сделанное 1 фельдфебелем, 4 младшими унт. офицерами, 17 ефрейторами и 196 рядовыми разных рот этого батальона. Удаление приготовлено агитацией с этим паролем:

1) Русские власти принимают дезертиров и возвращают их на прежние места, откуда и прибыли;

2) Существует приказ по сербскому корпусу, чтобы инвалидов, которые не имеют семейства в России, возвратить на позицию и там застрелить, чтобы дольше не мучились;

3) Германцы, без сомнения, победят;

4) Сербия и Румыния побеждены и не будут больше существовать как самостоятельные государства;

5) Китай объявил войну России и выставил против нее 5 мил. людей;

6) Семейства добровольцев будут уничтожены;

7) Большинство офицеров примкнет к беженцам.

Около 10 часов вечера эти люди, хотя заблаговременно было известно об их намерении удалиться и приняты нужные меры, все-таки успели выйти из деревни и направились к Одессе. Казаки, посланные за ними, настигнув их в поле, угрозой оружием, успели вернуть их в деревню, где их засадили под арест. Кроме этих собиралось уйти еще 2 с половиной взвода, но им не удалось уйти. При этом один из беженцев бранил одного добровольца. Найдено также несколько патронов, неизвестно кому принадлежавших» [7. С. 197].

Чтобы исправить положение с комплектованием корпуса, его командование прибегло к нестандартным мерам. При корпусе появилось особое учреждение – воспитательная команда. Полковник Кушакович в рапорте, отправленном начальнику штаба Одесского военного округа 7 ноября 1916 г., объяснил необходимость создания подобного учреждения следующим образом: «Формирование II дивизии показало, что большой процент военнопленных югославян охотно вступают в ряды Сербского добровольческого корпуса после полного и всестороннего их осведомления о целях и задачах югославянского добровольческого движения. Но помещения и условия, в которых пришлось работать при формировании II дивизии, показали, что необходимо принимать прибывающих военнопленных в особом помещении, осведомлять их и после изъявления ими согласия передавать их в роты запасного батальона. Ввиду изложенного мною сделано распоряжение о переводе чинов запасного батальона, которые принимали прибывающие транспорты, в казармы пробочного завода – в воспитательную команду. Там военнопленные будут воспитываться в национальном духе от 8 до 30 дней, после чего упорствующие будут передаваться воинскому начальнику для возвращения их обратно в плен. Как видно, воспитательная команда не есть новая часть, а тот же самый запасной батальон, с одной лишь разницей, что он впредь будет продолжать свою работу по приниманию добровольцев в самостоятельном, отдельном помещении» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 506]. Однако вскоре до российских военных властей стали доходить сведения о том, каким именно образом вновь прибывшие добровольцы воспитывались в этом учреждении «в национальном духе». В январе 1917 г. Штаб Одесского военного округа получил следующую телеграмму из Петрограда: «В штаб Верховного Главнокомандующего поступило заявление австрийских военнопленных хорватов и словенцев, состоящих в третьей роте шестого полка, которые жалуются на то, что они по принуждению должны были вступить в Сербские добровольческие части, причем указывают, что они не знают, для какой цели там находятся, так как еще в мирное время были злейшими врагами сербов, и заявляют, что они никогда не забудут дурного обращения с ними в Одессе; сербы их били прикладами и многих забили до смерти. Далее говорится, что они поклялись воспользоваться правом просьбы о расследовании и помощи, путем отправления их

на работы и указанием на то, что они были и будут австрийскими патриотами, а с сербами останутся навеки злейшими врагами» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 425. Л. 116]. Пик беспорядков пришелся на 23 октября 1916 г., когда «в ходе драки в казарме 1-го батальона 5-го пехотного полка 2-й сербской добровольческой дивизии между вновь прибывшими добровольцами разных юго-славянских народностей на почве религиозной розни и политических взглядов», была сделана попытка захватить оружие. И хотя она не удалась, «в происшедшей при этом свалке оказалось тринадцать человек убитых и задавленных и трое раненых».

Вопрос об избивениях при агитации к вступлению в его ряды получил общественный резонанс после того, как поручик 3-го полка Первой сербской дивизии словенец Гаспар Пекле поделился этими сведениями с редактором газеты «Югославия» Г. Тумой. На основании полученных сведений, 31 октября 1916 г. Л. Тума вместе с также находившимся в тот момент в России хорватским публицистом, основателем общества «Юрий Крижанич» К. Геруцем, направили соответствующее письмо тогдашнему министру иностранных дел России Б. В. Штюмеру, в котором не только указывались случаи избивения добровольцев сербскими офицерами, но и подчеркивалось стремление югославян служить не в чисто сербском, а именно в «югославском» батальоне [9. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 330. Л. 6–7]⁷.

Российские власти вынуждены были реагировать. 3 (16) ноября 1916 г. министр иностранных дел Штюмер обратился к Алексееву с просьбой провести следствие по данному вопросу, ведение которого было поручено уже упоминавшемуся генерал-лейтенанту С. Д. Чистякову [7. С. 149]. Сделанные им выводы были весьма категоричны. «Случайно собранная масса естественно находилась в дисгармонии. Хорваты и словенцы заявляли, что они вовсе не “сербы”, а католики, и до того, к чему стремятся сербы им дела нет», — отмечал он в рапорте, и далее резюмировал: «Последние явления имели место среди югославян, которые отказывались от поступления в сербский добровольческий корпус, в более или менее резкой форме, с большим или меньшим влиянием на остальных, прибывших с ними югославян. Побои проводились самими же солдатами (действительными добровольцами) в отсутствие офицеров, главным образом по ночам. Избивались хорваты и словенцы, наиболее враждебно настроенные против сербов. Бывали случаи, что сами караульные били и отбирали деньги у арестованных» [7. С. 202].

Отметим, что заявления о творившихся во Второй сербской дивизии бесчинствах поступали в том числе и от русских чинов, которые помимо этого подчеркивали пренебрежительное отношение ее офицеров к российским военным служащим и чиновникам. Так, квартирмейстер пехотного полка Второй дивизии доносил о поведении сербских офицеров при переводе в Орехов. Командир полка приказал поручику Паичу обеспечить офицеров квартирами в Орехове. «По прибытии выяснилось, что квартир нет. На вопрос Паичу русскими офицерами, — где наши квартиры? Тот ответил — вы, русские,

⁷ Русско-хорватское общество «Юрий Крижанич», идеей которого было объединение всех славянских народов, было создано в Москве в 1915 г. Помимо Геруца, видными деятелями общества были чех Коничек, хорват И. Гарापич и словенец Г. Тума. В 1916 г. тот же Геруц создал в Москве общество «Югославия», а Тума основал в Петрограде газету с аналогичным названием. О Крунославе Геруце см. подробнее: [13. С. 59–62]. Сам же Пекле, судя по всему, в феврале 1919 г. вступил в ряды чехословацкого корпуса и стал сражаться против советской власти [4. С. 257–258].

ищите сами квартиры. И здесь я заметил полное недоверие и презрение к русским офицерам». Особенно в рапорте отмечалось поведение заведовавшего в Орехове хозяйством капитана Тапасковича, «который славился в полку сильными кулаками и ужасными побоями». «Здесь действовал дисциплинарный порядок. Солдат били, изнуляли голодом, держали зимой в затворе в холодных и сырых погребках, и они, дабы спастись, убегали куда попало. Капитан Тапаскович получил от командира полка полную силу и власть и начал бить всех, как палач, несмотря на нас, русских». Причем поведение этого офицера было оскорбительно не только по отношению к собственным солдатам, но и по отношению к русским чинам: «Когда прихожу к нему с докладом, он тогда встает и кричит, ругаясь (нецензурно. — Я.В.) [...] чего я не достоин как русский чиновник в своей родной земле, перед каким-нибудь гостем», — эмоционально писал тот же русский служащий — квартирмейстер Второй дивизии [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 442. Л. 78–79]⁸.

Показательно в этом смысле еще одно заявление, поданное несколько позже, 16 мая 1917 г., членом РСДРП, старшим врачом 4-го полка Первой сербской дивизии Гавриилом Константиновичем в Совет офицерских и солдатских депутатов г. Одессы. В нем он указал на многочисленные бесчинства, творимые солдатами корпуса по отношению к местному населению, а также на нелестные высказывания офицеров и солдат корпуса по отношению к России и русским. Вывод его был очевиден: корпус — это контрреволюционная структура, в связи с чем его необходимо разоружить, сербских офицеров отправить в Салоники, а солдат в Сибирь на работы. Он подчеркивал: «К русским солдатам и офицерам относились с презрением. Они говорили, что русские офицеры извозчики, а русские солдаты глупые и идиоты и что один сербский солдат стоит 17 русских (это говорили офицеры IV полка, известный чемпион-палач 1-й сербской дивизии майор Хаджич, командир III батальона, подполковник Цветич, командир II батальона, известный пьяница и развратник, поп Гиок Попович, который грабил в Добрудже от румынских крестьян разных продуктов для полка, а продавал полку за деньги)», — отмечал Константинович. В этом же рапорте он особо подчеркивал, что «к революции сербские офицеры относятся враждебно. Они говорят: “арест нынешнего великого покровителя и защитника идеи Великой Сербии есть величайшее несчастье для нас и для сербского народа, и кто арестовал нашего покровителя — это сволочь, совет рабочих и солдатских депутатов, скоро мы им покажем. В этой дряни, (т.е. совете рабочих и солдатских депутатов) находится 3000 шпионов”, — кричал начальник штаба 1-й дивизии Белич» [14. С. 480–483].

В свою очередь, пришедшее к власти в России Временное правительство, подчеркивая экстерриториальность корпуса, решило самоустраниться от решения его будущей судьбы. Эта мысль четко прослеживается в депеше министра иностранных дел П. Н. Милюкова, направленной на Корфу поверенному в делах при сербском правительстве Б. П. Пелехину 14(27) апреля 1917 г: «Считая вопрос об установлении тесных дружественных отношений между сербами и их сородичами хорватами и словенцами, входящим в область внутренней жизни всего сербо-хорвато-словенского народа, мы не находили

⁸ 10 ноября 1916 г. в селе Мариинское, где были расквартированы части Сербского корпуса, патруль 1-й роты VII полка нашел убитым около своей квартиры капитана Штольфа. И хотя следствие так и не смогло найти убийц, генерал Чистяков счел необходимым отметить в рапорте, что «можно заключить, что он убит по ошибке вместо к-ра 1-й роты кап. Тапасковича (серб из королевства), весьма требовательного и строгого» [7. С. 74].

бы возможным при настоящей политической обстановке, вмешиваться в него слишком активно, но, конечно, не отказываемся в пределах возможного от примирительной посреднической роли» [14. С. 475]. Такая позиция нового министра, известного болгарофила, имевшего репутацию ненавистника сербов, вызвала серьезные опасения у командования не только за судьбу корпуса, но и за реализацию заветной идеи «Великой Сербии», лишь усиливая в среде сербских офицеров неприятие событий русской революции февраля 1917 г., в том числе из-за приверженности руководства корпуса именно к монархической государственной конструкции будущей Югославии под управлением династии Карагеоргиевичей. Эта идея не соответствовала чаяниям многих офицеров-добровольцев, позитивно отнесшихся к событиям в Петрограде, поскольку их идеалом было создание Югославии по федеративной модели. Так, в меморандуме М. В. Алексею от 21 мая 1917 г., который от имени офицеров и солдат корпуса написали уже упоминаемый Пекле и еще один офицер-доброволец Шовари, прямо указывалось: «Мы, в конце концов, убедились, что мы не служили нашему идеалу, но империалистическим и завоевательным стараниям сербской мегаломании» [4. С. 39].

В этой ситуации будущее корпуса не вызывало никакого оптимизма ни у переживавших хаос русской революции высших российских военных и политических кругов, ни у его солдат и офицеров. К лету 1917 г. дисциплина в корпусе упала до катастрофического уровня, а общее состояние в сербских дивизиях было близко к абсолютной анархии, усугублявшейся межнациональными столкновениями. Так, к маю 1917 г., по сведениям, которые представили русскому командованию прибывшие в Ставку те же Г. Пекле и Шовари, «из сербского добровольческого корпуса вышло до 3 мая около 120 офицеров, 41 юнкер и около 6000 солдат-югославян. Офицеры, исключая 2 сербов, — по национальности хорваты и словенцы» [9. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 118]. Из этого числа больше половины участвовали в боях за Добруджу [9. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 118].

Тем не менее, командование корпуса продолжало настаивать на том, что главная причина беспорядков — это деятельность Геруца и Тумы. События русской революции способствовали именно такому простому объяснению произошедших событий, поскольку беспорядки в корпусе оказалось легко «списать» в том числе и на покровительство хорватам бывшего царского министра Штюрмера. Эта мысль прослеживается в меморандуме о беспорядках в корпусе, составленном Живковичем 23 апреля 1917 г., т.е. спустя три месяца после завершения следствия Чистякова. В нем прямо указывалось, что причина конфликта была вызвана «влиянием внешним, которое находится вне сферы влияния корпуса», а «из документов, найденных в архиве бывшего министра Штюрмера, видно, что он старался всеми средствами заключить сепаратный мир с Австро-Венгрией. В рамках осуществления этого плана входило еще и расформирование Сербского корпуса и Чешко-Словацкой бригады» [7. С. 256–259]. Далее Живкович отметил, что недовольные офицеры, «по данному Геруцем сигналу и под его руководством», выставили определенные условия к командованию корпуса, среди которых были как его переименование в Юго-Славянский, так и отделение «солдат хорватов и словенцев от сербских в отдельные полки, во главе которых будут стоять офицеры только хорватской и словенской народности. На веру должно быть обращено внимание и не смешивать католиков с православными». При этом «этот отряд никогда не должен считаться войском королевства Сербии, но считать его

отдельным революционным войском Югославии», которое не должно впредь участвовать в боях на русском фронте. Живкович подчеркивал, что сербское правительство «пошло навстречу всем поставленным условиям за исключением последнего», а сербскому корпусу было дано название Добровольческий корпус Сербов, Хорватов и Словенцев [7. С. 268–269]. Такое решение было передано Живковичу от имени сербского военного министра Терзича. При этом в нем особо подчеркивалось, что «имя “Югославия” официально не будет применяться, ибо болгары, хотя и югославыне, но не с нами. Таким образом будут все удовлетворены, ибо сохраняется имя своих народов и племен. Если хорваты либо словенцы не довольны и желают выйти, передайте их русским военным властям для поступления с ними по усмотрению: либо для возвращения в плен, либо для принятия их в свою армию, а с теми, которые останутся верными, образовать Сербский корпус» [9. Ф. 1837. Оп. 1. Д. 442. Л. 103].

Развитие ситуации на обломках Российской империи коренным образом повлияло на дальнейшую судьбу этого формирования. Из корпуса начался массовый отток добровольцев и формирование «альтернативных» воинских формирований. 12 июня 1917 г. Гаспар Пекле, находясь в Могилеве, составил обращенное к Верховному главнокомандующему воззвание, в котором указал, что вышедшие из Сербского корпуса «словенцы, хорваты и сербы решили сформировать Югославянский добровольческий отряд, входящий впредь до заключения мира в состав русской армии» [9. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 166]. В Дарницком лагере военнопленных под Киевом началась агитация за вступление в его ряды. В свою очередь, после двух месяцев вербовки «офицерам-диссидентам» к концу лета 1917 г. удалось собрать в югославянский ударный батальон около 500 человек.

Эти действия вызвали естественный протест главы сербской военной миссии в России полковника Б. Лонткевича и генерала М. Живковича, пытавшихся, в свою очередь, организовать в Дарнице новый набор добровольцев в Сербский корпус, в том числе вновь приняв в его состав тех солдат, которые ранее его покинули. Именно такое поручение получил сотрудник Сербской военной миссии поручик Комненович, который в телеграммах Лонткевичу особо подчеркивал необходимость «ликвидировать эти новые формирования отрядов из югославын, в противном случае это будет иметь деморализующее и разлагающее действие на наши формирования в Одесском округе, а вместе с тем будет убивать престиж Сербии и возложенную на нее политическую миссию» [9. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 208]. В свою очередь, глава сербской военной миссии в посланной генералу Лукомскому 14 июля 1917 г. телеграмме подчеркивал: «Упомянутые офицеры-диссиденты в свою очередь собирают между пленными добровольцев, будто бы для ударных батальонов, между тем их намерение — формировать отдельный отряд югославын в противоположность уже существующему в Одессе на основании соглашения русского с сербским правительством, добровольческому корпусу сербов, кроатов и словенцев». В этой связи Лонткевич обращался к русскому правительству с просьбой «создать возможность дальнейшего вербования добровольцев из пленных югославын и облегчить эту деятельность уполномоченным органам сербского правительства». Он при этом предлагал признать корпус как единственную «организацию югославын, а именно состоящую под руководством официально существующего югославынского комитета, утвержденного всеми союзниками», а также удалить из Дарницкого лагеря всех бывших офицеров-диссидентов корпуса, тем самым лишив их «возможности своей

злоумышленной и несоответствующей истине агитацией влиять на вновь прибывающих с фронта пленных югославянской национальности, убеждая их не поступать в сербский корпус в Одессе, откуда впоследствии они будут отправляться в Солунь для пополнения сербской армии» [9. Ф. 2003. Оп.1. Д. 686. Л. 204–205].

К началу августа 1917 г. в корпусе из 42 000 солдат осталось лишь около 18 000 человек, большая часть из которых к концу того же месяца по требованию генерала Щербачева должна была быть переброшена на румынский фронт, составив резерв 6-й армии [4. С. 45–46]. Это, однако, неоднократно откладывалось из-за недокомплекта личного состава, и вскоре решение было отменено. Противоречивые распоряжения Ставки вызывали еще большую неразбериху среди руководства корпуса, отрицательно сказываясь на его боеспособности.

Терпению русских военных властей наступил предел. В середине августа 1917 г. генерал-майор Романовский издал распоряжение «всякую агитацию и дальнейшую вербовку» в альтернативные югославянские части прекратить, а сформированный «ударный батальон в 500 человек, включив в состав его офицеров-диссидентов, производивших вербовку, а также 18 человек, дополнительно заявивших комиссии Киевского военного округа о своем желании вступить в этот батальон», немедленно отправить на Юго-Западный фронт. Последующий опрос военнопленных должна была теперь проводить особая комиссия штаба Киевского военного округа при участии поручика Комненовича. Причем, как замечалось в приказе, «сначала вербуются добровольцы в Сербско-Кроато-Словенский добровольческий корпус, вслед за тем, путем опроса вызываются желающие поступить в русскую армию, далее желающие быть зачисленными в рабочие дружины, и, наконец добровольцы для пополнения потерь в ныне существующем ударном батальоне, коему присвоить название “Особый ударный батальон”, не называя его “юго-славянский”». Нежелающие служить должны были быть переведены на положение военнопленных и отправлены во внутренние районы империи, причем в приказе особо подчеркивалось запрещение ношения ими сербской военной формы [9. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 686. Л. 239–240].

В это же время собственную вербовку добровольцев начала еще одна группа сербских офицеров под руководством полковника А. Срба, к тому времени уже заочно обвиненного на Салоникском процессе по делу тайной офицерской организации «Черная рука» («Объединение или смерть»). Он уже после победы октябрьского восстания, в ноябре–декабре 1917 г., из бывших солдат корпуса сформировал в Одессе батальон численностью около 200 человек, который в марте 1918 г. был переброшен в г. Мариуполь. Сам же Срб в ночь на 27 апреля 1918 г. был убит в Таганроге при до конца не выясненных обстоятельствах. Подразделение Срба возглавил майор М. Благодич, погибший в боях под Казанью. Однако эта тема, равно как и общее участие сербских полков в событиях Гражданской войны 1918–1921 гг., является уже предметом отдельного исследования.

Заметим, что история Сербского корпуса являет собой пример своеобразного «микромира», иллюстрирующего гибельность попыток создания «синтетического югославянства». При этом показательно, что именно в его казармах впервые произошел открытый, подчеркнутый, вооруженный сербо-хорватский конфликт, причем в момент, казалось бы, острой необходимости консолидации усилий двух народов для вооруженной борьбы с общим неприятелем за создание «общего» государства.

Таким образом, уже тогда было очевидно столкновение двух национальных концептов будущего видения формы югославянского государства: либо расширение границ Сербии за счет присоединения к ее территории населенных сербами частей Воеводины, Боснии, Славонии, части Далмации, либо «югосферическое» слияние в рамках общего государства Сербии и Хорватии, что могло произойти лишь в случае полного уничтожения Австро-Венгерской монархии и создания на ее обломках искусственной наднациональной конструкции. К началу 1917 г. курс на создание именно югославской модели будущего государства стал проявляться все более отчетливо, причем не только среди балканских, но и российских политиков.

20 июля 1917 г. на острове Корфу между представителями сербского правительства и Югославянского комитета была подписана достаточно компромиссная декларация о создании государства сербов, хорватов и словенцев. Данная «югосферическая» система, в свою очередь, вполне отвечала интересам Англии и Франции, стремившихся в том числе и таким образом нейтрализовать политические амбиции в регионе своих конкурентов — Германии и Италии [7. С. 45–46]. Однако попытки строительства нового «югославского» народа обратились в трагедию двух Югославий XX в. И в этом смысле судьба сербского корпуса, к тому же тесно связанная с развалом Российской империи и становлением нового советского государства, прекрасно иллюстрирует предопределение будущей печальной судьбы Югославии и ее армии, изначально, еще до своего официального оформления, обреченных на развал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Југословенски добровољачки корпус у Русији. Београд, 1954; *Очак И.Д.* Из историје учешћа југославаца у борби за победу совјетске власти у Русији 1917–1921 г. // Октабрска револуција и зарубежне славјанске народи. М., 1957; *Груловић Н.* Југословени у рату и Октобарској револуцији. Београд, 1962; Југословенски добровољци 1914–1918. Зборник докумената. Београд, 1980; *Лобачева Ј.В.* Сербия, Југославјански комитет и сербо-хорватско-словенска емиграција у Америци у 1914–1916 г. // Славјановедение. 2007. № 4; *Лобачева Ј.В.* Југославјанско покретање у Америци у године Прве светске ратне војне 1914–1918 г. М.; СПб., 2014; *Мишић М.* Незапамћена битка. Српски добровољци у Русији 1914–1918. Ново Милошево, 2016.
2. Југословенски добровољци у Русији 1914–1918. Београд, 1977.
3. *Поповић Н.* Србија и Русија 1914–1918. Београд, 1977.
4. Учество југославјанских радних у Октабрској револуцији и грађанској војни у СССР. Зборник докумената и материјала. М., 1976.
5. *Зеленин В.В.* Под црвеним знаменем Октабра. Југославјански интернационалисти у Совјетској Русији 1917–1921. М., 1977.
6. *Петровић И.* Српски добровољци 1912–1918. Бројке и судбина. Нови Сад, 2001.
7. *Вишняков Ј.В., Тимофеев А.Ю., Милорадовић Г.* Армија без државе. Од сербског к југославјанског добровољачког корпуса у Русији во време Прве светске ратне војне: Сб. док. М., 2014.
8. *Милорадовић Г.* Карантин идеја. Лагера за изолацију «подозрителних лица» у Краљевству серба, хорвата и словенца у 1919–1922 г. М., 2010.
9. Росјански државни војно-историјски архив.
10. *Денда Д.* Росјански савезник на Балкану: сербска армија 1914–1918 г. (Численост, организација, структура, опрема) // Заједно у стотици конфликта. Русија и Србија у XX веку. Сб. статја. М., 2016.
11. *Каширин В.Б.* Поход у Добруджанску степ: еволуција замисла, планирање и подготвка експедиције руских војска за Дунај у 1916 г. // *Studia Balkanica* (К юбилеју Р.П. Гришиној). Сб. статја. М., 2010.
12. *Поповић Н.* Губици и српске добровољачке дивизије у борбеним операцијама у Добруци 1916 године. // Војно-историјски гласник. 2012. № 2.
13. *Ващенко М.С.* «Хорватски консул» у Петербургу // Родина. 2010. № 4.
14. *Вишняков Ј.В.* Армија без државе: Сербски добровољачки корпус у Русији 1916–1917 г. // Руски зборник. Истраживања по историји Русије. М., 2015. Т. XVIII.